

Павловский А. Ф.

БЛОКАДА И КОМПЬЮТЕР: «ЦИФРОВОЕ ВООБРАЖЕНИЕ» В ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В 1980-Е ГГ.¹

Аннотация. В статье ставится проблема «цифрового воображения» в культурной памяти о войне и блокаде Ленинграда в 1980-е гг. На примере неснятого сценария документального фильма «Блоkada и компьютер» (1983) Л. Маграчева и Э. Талунтиса – пожалуй, самого раннего примера цифровой памяти о блокаде – автор показывает, каким образом дискурс о героизме и страдании блокадников, фальсификации истории и «рациональном враге» преломлялся в фантастической гипотезе сценаристов о суперкомпьютере, при помощи которого «империалистические стратегии» Запада стремятся закодировать «ленинградские высоты человеческого духа» для того, чтобы научно понять и победить советского человека. Автор приходит к выводу о парадоксе «цифрового воображения» памяти о войне, в рамках которого «умная машина», выступающая как аналитическое орудие врага, является при этом эффективным инструментом подтверждения «исторической правды» о блокаде и анализа её «абсолютного архива». Вместе с тем, автор ставит гипотезу о том, что при всей необычности такого «воображаемого фильма», его нельзя считать аномалией, и в начале 1980-х гг. «цифровое воображение» проникает даже во властный дискурс памяти о войне.

Ключевые слова: memory studies, культурная память, память о войне, блокада Ленинграда, цифровая память, советское кино

Для цитирования: Павловский А. Ф. Блоkada и компьютер: «цифровое воображение» в памяти о Великой Отечественной войне // Ученые записки НовГУ. 2023. 6(51). 646-651. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).646-651

В последние годы исследователи все чаще возвращают советское цифровое наследие из забвения. История кибернетики в гуманитарных науках и искусстве [Пруденко, 2018] и реконструкция «идеи советской компьютерной игры» [Муждаба, Царев, 2020] в 1960-1980-е гг. дает альтернативный взгляд на проект советской цифровой модерности (пусть и проигравший в борьбе с экспансией западных технологий). Однако насколько можно говорить о наличии в СССР «цифрового воображения» в сфере культурной памяти о таком конституирующем советскую идентичность событии как Великая Отечественная война и, в частности, блокада Ленинграда 1941-1944 гг.? При всех новых подходах в изучении памяти о геноциде блокады [Павловский, 2022], вопрос о «цифровом воображении» об этой гуманитарной катастрофе в 1980-м гг. вряд ли бы пришел в голову самому смелому исследователю по причине отсутствия источников, способных подтвердить такую гипотезу. Однако, определяя «цифровое воображение» как дискурс о том, как цифровые технологии могут *гипотетически* влиять на все сферы деятельности от искусства, науки, образования до развлечения, коммерции, войны и культурной памяти (будучи связаны с надеждами и страхами по поводу использования новейших, прототипических или не существующих цифровых устройств и технологий), в этой статье я показываю, что, вопреки устоявшемуся в Digital Memory Studies мнению о том, что развитая цифровая память о травматичном или ностальгическом прошлом появляется только в 2000-е с развитием Сети и мобильных гаджетов во всем мире [Павловский, 2023], такое «цифровое воображение» о войне и правда существовало в

¹ Благодарю В. Басса за то, что обратил мое внимание на этот источник, а также А. Муждаба и А. Моисеенко за советы при подготовке статьи.

советское время. «Блокада и компьютер» (1983) Л. Маграчева и Э. Талунтиса является подтверждением этому.

«Блокада и компьютер» (1983) – 25-страничный сценарий с детально прописанными эпизодами, дикторским текстом и диалогами, взятыми из военной кинохроники и интервью с ветеранами Ленинградской битвы и их потомками [ЦГАЛИ СПб, 1983], так и не был экранизирован. Однако его авторы – радиожурналист Л. Маграчев (1914-1988) и писатель Э. Талунтис (1926-1992) – отнюдь не были случайными фигурами в формировании советской памяти о блокаде Ленинграда. Маграчев был автором знаменитых «блокадных репортажей» и мемуаров о Доме радио, где он работал с О. Берггольц [Маграчев, 1989]; Талунтис воевал на Ленинградском фронте и написал сценарий документального фильма «900 незабываемых дней» (1964, ЛСДФ). В их решении создать фильм о блокаде не было ничего необычного, однако аномальным выглядит то, что два автора, далеких от кибернетики, в начале 1980-х решили написать сценарий, в котором рассуждения о компьютере как *источнике исторической правды* обрамляет и структурирует все повествование о блокаде и ее последствиях.

Что это неснятое «воображаемое кино» может сказать об устройстве «цифрового воображения» о войне в 1980-е гг.? «Блокада и компьютер» начинается с необычной завязки, чей антиамериканский посыл становится понятным, учитывая, что 1983 год был особенно острым периодом Холодной войны. Так, авторы рассказывали зрителю о том, что «империалистические стратеги», мечтающие поработить советский народ, «уже несколько десятилетий (...) изучают «феномен Ленинграда», задаваясь вопросом, «как смог выстоять Ленинград, наглухо заблокированный, вымиравший от голода, бомб и снарядов, замерзавший без топлива и электроэнергии?» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 1]. Чтобы решить этот вопрос на научной основе, военные НАТО загрузили в суперкомпьютер информацию о жителях и защитниках блокадного Ленинграда и дали «умной машине» задачу просчитать, каков «предел прочности» советского человека. Как конспирологически объясняли Маграчев и Талунтис без всяких ссылок на источники, «западные теоретики и практики, мыслящие военные категориями, пытаются закодировать такие понятия, как «мужество», «героизм», «стойкость», выразить их определенными числами, чтобы затем полученные перфокарты ввести в электронно-вычислительные машины. С помощью компьютеров они надеются высчитать точный коэффициент усилий, которые необходимо приложить, чтобы преодолеть «расчетные величины». Как добавляли авторы, «пока неизвестно, в каких единицах ожидается ответ – то ли в степенях подлости и жестокости, то ли в количествах ракет и ядерных зарядов...» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 1-2]. В итоге компьютер должен был дать ответ, каким образом спланировать нападение на СССР и победить советского человека, сломив его волю.

Свою задачу Маграчев и Талунтис видели в обратном – рассказать зрителю о том, что на «самом деле» могла бы ответить вражеским генералам эта фантастическая «умная машина», если бы ей дали все исторические данные о блокаде? Итак, большая часть сценария состояла из эпизодов, в которых ветераны Ленинградской битвы рассказывали о своем подвиге, а сценаристы «монтировали» их рассказ с кадрами из кинохроники. Главная идея сценария заключалась в том, что гитлеровцы как

«предшественники» НАТО не учли в своих расчетах моральный фактор и солидарность советского народа. Нацисты ожидали, что будут воевать против мобилизованных, однако ленинградцы выступили в качестве единого целого и на войну пошли все – от композитора Д. Шостаковича, писателя Г. Гора и актера Н. Черкасова до женщин, детей и стариков. Так, авторы рассказывали о добровольцах, пошедших в ополчение [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 2-3], о защитнике Пулковской обсерватории астрономе К. Огородникове [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 5], о любви лейтенанта А. Смаглия и врача А. Павлушкиной, воевавших на крейсере «Аврора» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 7]», о кровавом «аду» Невского пяточка [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 9], о подвиге Ольги Маккавейской [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 11-12], и об Ольге Новиковой, умершей от голода, но спасшей маленького сына [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 16-17]. Таким образом, благодаря самопожертвованию, смекалке и героизму, ленинградцы отстояли город, проявив «высоты человеческого духа», которые не подлежат никакому количественному анализу и кодировке.

Как писали Маграчев и Талунтис, недоумевая, на что надеются «западные империалисты»: «...что же такое «феномен Ленинграда»? Тут нет секрета. Это великая любовь к родной стране, к жизни, добру и свету. Это безграничная ненависть к злу и жестокости, к порабощению и неравенству (...) Это неколебимое единство (...) советского народа. Как же измерить эти чувства и качества? Пусть даже сумеют западные стратеги оценить в цифрах (...) и закодировать ленинградские высоты человеческого духа (*курсив мой – А.П.*). И затем, как и мечтают, спросят компьютер: чем, какими доступными для них средствами можно преодолеть «расчетные величины»? Умная электронная машина даст только один ответ: «ничем». И другого ответа не может быть» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 25].

Несмотря на то, что сценарий «Блокада и компьютер» (1983) не был экранизирован, его анализ позволяет сделать ряд выводов о дискурсах памяти о войне и раннем «цифровом воображении» о блокаде. Во-первых, вопреки новаторской завязке, «Блокада и компьютер» – это текст, традиционный в своей соцреалистической эстетике и репрезентации преемственности героизма блокады и современности: тот язык памяти, которым авторы пользовались и в 1960-е гг. и который сохранился до 1980-х гг. в почти неизменном виде, разбавленном кинематографическими флэшбэками, эстетикой личного свидетельства и большим вниманием к страданию солдат и гражданского населения. Во-вторых, в сопоставлении НАТО и Третьего Рейха, естественно, не было ничего нового – сам жанр разоблачения фальсификации истории «недобитыми фашистскими генералами» процветал в ленинградской прессе еще с середины 1960-х гг. и часто был связан именно с памятью о блокаде [Голант, 1964]. В-третьих, образ «рационального врага», который, готовясь к завоеванию Ленинграда, проводит вычисления, чтобы удостовериться в «неизбежности» своей победы, а потом оказывается посрамлен героизмом и жертвой блокадников, также не был придумкой Маграчева и Талунтиса: одна из первых глав «Блокадной книги» (1977) А. Адамовича и Д. Гранина («Засланный в город») является тому убедительным подтверждением [Адамович, Гранин, 2005, с. 55-67].

Вместе с тем, «цифровое воображение», представленное в сценарии, показывает по-настоящему новое и амбивалентное отношение авторов к вычислительным

возможностям воображаемого компьютера в достижении «исторической правды» о войне. С одной стороны, «умная машина» – это аналитическое орудие врага, но при этом она настолько «умна», что доказывает врагу превосходство советского строя. С другой, при всей своей мощи этот фантастический компьютер бесполезен, потому что после долгих вычислений корпуса всех свидетельств о блокаде он дает ответ, который и так известен авторам, вооруженным одной «революционной сознательностью» и насмехающихся над тем, что кто-то пытается закодировать их «мужество», «героизм», «стойкость», рационализировав эпический подвиг блокадников, чьим источником являются трансцендентные и не объяснимые цифровой наукой «ленинградские высоты человеческого духа» [ЦГАЛИ СПб, ф. 520, оп. 1, д. 129, л. 2, 25]. Эта дискриминация нечеловеческой агентности и при этом убежденность в том, что компьютер есть инструмент подтверждения «исторической правды», способный проанализировать «абсолютный архив» блокады, и создает парадокс «цифрового воображения», лежащий в основе самого раннего рассуждения о цифровой памяти о блокаде Ленинграда в 1980-е гг.

Вместе с тем, насколько аномальным являлся сценарий «Блоkada и компьютер» в контексте советского дискурса о цифровом? Вероятно, не так сильно, как кажется. Во-первых, сейчас известно, что количественная история и анализ массовых источников на ЭВМ развивались в СССР 1960-1980-е гг. вполне активно [Пруденко, 2018], и остается только вопрос, откуда авторы могли заимствовать их проблематику и дискурс? Во-вторых, если бы авторы предложили свою работу на студию научно-популярных фильмов, то их сценарий был бы воспринят как необычный, но точно не аномальный: еще с 1970-х гг. режиссеры ЦСДФ снимали фильмы о роли ЭВМ в науке и экономике, а «Леннаучфильм» – фильм «Гименей и ЭВМ» (1982) о том, как компьютер помогает неженатым гражданам найти себе пару, то есть к этому времени «цифровое воображение» уже начало развиваться и в массовой культуре.

Наконец, удивительно, но в середине 1980-х гг. «цифровое воображение» проникает даже во властный дискурс памяти о войне. Например, во время заседания, посвященного 40-летию полного освобождения Ленинграда от блокады 27 января 1984 года, секретарь ЦК КПСС и бывший первый секретарь Ленинградского горкома КПСС Г. Романов в довольно «ленинградоцентричной» манере связал подвиг блокадников с будущим советской модерности. Романов утверждал, что «лучшим памятником погибшим [блокадникам] (...) является возрожденная, преображенная, шагнувшая в развитой социализм страна», и чтобы добиться этого скачка, экономика Ленинграда и Ленинградской области, когда-то «израненных снарядами и политых кровью», должна управляться при помощи «компьютеров, гибких автоматизированных производств, которые базируются на безлюдной, а в ряде случаев и безотходной технологии» [ЦГАИПД СПб, ф. 24, оп. 245, д. 86, л. 19-21]. Таким образом, спасение Ленинграда и колоссальная жертва его жителей преподносились Г. Романовым как условие НТР (!) и внедрения ее достижений в жизнь советских людей и потомков блокадников, защитников Ленинграда сейчас.

В этой коммеморативной логике двух темпоральностей Победа становилась не только героическим финалом утопического прошлого, но оптимистичным истоком советской будущности от космических полетов до компьютеризации науки и техники

– «цифровое воображение», отличное от сценария «Блокада и компьютер», но в определенной степени подтверждающее возможность фильма, создающего образ компьютера как источника исторической правды в контексте памяти о войне и современности 1980-х.

Литература

- Адамович А. М., Гранин Д. А. (2005). *Блокадная книга: В 2 кн. Кн. 1.* Москва, ТЕРРА – Книжный клуб.
- Голант В. (1964). Куда гнут фальсификаторы истории. *Ленинградская правда*, 11 января, 3.
- Маграчев Л. Е. (1989). *Репортаж из блокады.* Ленинград: Лениздат, 270.
- Муждаба А. Д., Царев А. О. (2016). Воспитание «Тетрисом»: к идейным основам советской компьютерной игры. *Социология власти*, 3, 32, 114-141. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-3-114-141
- Павловский А. Ф. (2022). Культурная травма и современная историография: «вторая волна» исследований памяти о блокаде Ленинграда (2016-2021). *Историческая экспертиза*, 1, 26–49. DOI: 10.31754/2409-6105-2022-1-26-49
- Павловский А. Ф. (2023) Введение. Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies? *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей.* Санкт-Петербург, Изд. ЕУ СПб., 7–48.
- Пруденко Я. Д. (2018). *Кибернетика в гуманитарных науках и искусстве в СССР. Анализ больших баз данных и компьютерное творчество.* Москва, Музей современного искусства «Гараж», 292.
- ЦГАИПД СПб. (1984) *Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.* Ф. 24. Оп. 245. Д. 86.
- ЦГАЛИ СПб. (1983). *Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга.* Ф. 520. Оп. 1. Д. 129.

References

- Adamovich A. M., Granin D. A. (2005). *Blokadnaya kniga* [The Blockade Book]. Vol. 2. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub.
- Golant V. (1964). Kuda gnut falsifikatory istorii? [Where are the falsifiers of history going?] *Leningradskaya Pravda*, January 11, 3.
- Magrachev L.E. (1989). *Reportazh iz blokady* [Report from the Blockade]. Leningrad, Lenizdat, 270
- Muzhdaba A. D, Tsarev A. O. (2020). Vospitanie «Tetrisom»: k idejnym osnovam sovetskoj kompyuternoj igry [Nurture by Tetris: On the Ideological Foundations of the Soviet Computer Game]. *Sociology of Power*, 3, 32, 114–141. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-3-114-141
- Pavlovskiy A. F. (2022). Kulturnaya travma i sovremennaya istoriografiya: «vtoraya volna» issledovaniy pamyati o blokade Leningrada (2016-2021) [Cultural Trauma and Contemporary Historiography: The Second Wave of Research on the Memory of the Siege of Leningrad (2016-2021)]. *Historical Expertise*, 1, 26-49. DOI: 10.31754/2409-6105-2022-1-26-49
- Pavlovskiy A. F. (2023). Vvedenie. Tsifrovye ramki kollektivnoj pamyati: kuda vedet tsifrovoj povorot v memory studies? [Introduction. The Digital Frames of Collective Memory: Where Does the Digital Turn in Memory Studies Lead?]. *Pamyat v Seti: tsifrovoj povorot v memory studies* [Memory on the Web: A Digital Turn in Memory Studies]. St. Petersburg: EUSP Press, 7–48.
- Prudenko Y. D. (2018). *Kibernetika v gumanitarnyh naukah i iskusstve v SSSR. Analiz bolshih baz dannyh i kompyuternoje tvorchestvo* [Cybernetics in the Humanities and the Arts in the USSR. Big Data Analysis and Computer Creativity]. Moscow, Garage Museum of Contemporary Art., 292.
- TsGAIPD SPb (1984). *Tsentralnyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. Fund 24. Inventory list 245. File 86.
- TsGALI SPb (1984). *Tsentralnyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstv Sankt-Peterburga* [Central State

Archive of Literature and Arts of St. Petersburg]. Fund 520. Inventory list 1. File 129.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 10.11.2023.
Принята к публикации 30. 11.2023.

Об авторе

Павловский Алексей Федорович – ассоциированный сотрудник Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге; ORCID: 0009-0006-5706-8796; apavlovskiy@eu.spb.ru

Pavlovskiy A. F.

BLOCKADE AND COMPUTER: “DIGITAL IMAGINATION” IN THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE 1980S?

Abstract. The article raises the problem of “digital imagination” in the cultural memory of the Great Patriotic War and the blockade of Leningrad in the 1980s. Using the example of the unfilmed screenplay of the documentary film *Blockade and Computer* (1983) by L. Magrachev and E. Taluntis (perhaps the earliest example of digital memory of the Siege) the author shows how the traditional discourse about the heroism and suffering of siege survivors, the “Western falsification of history” and the “rational enemy” is refracted into the screenwriters’ fantastic hypothesis of a supercomputer with which “imperialist strategists” seek to code the “Leningrad heights of the human spirit” to scientifically understand and defeat the Soviet man. The author concludes about the paradox of the “digital imagination” of the memory of the war, in which a “smart machine” acting as an analytical tool of the enemy is at the same time an effective tool to confirm the “historical truth” about the Siege of Leningrad and to analyze its “absolute archive”. At the same time, the author argues that, for all the strangeness of such an “imaginary film”, it cannot be considered an anomaly, and in the early 1980s “digital imagination” penetrated even the Party discourse of memory about the war.

Keywords: memory studies, cultural memory, memory of the war, siege of Leningrad, digital memory, Soviet cinema

For citation: Pavlovskiy A. F. Blockade and computer: “digital imagination” in the memory of the great patriotic war in the 1980s? *Memoirs of NovSU*, 2023, 6(51), 646-651. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.6(51).646-651